

УДК 94 (477) – 054/62 “19/20”

М. П. Костюк

Луцкий национальный технический университет

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ОБЩИННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СРЕДЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ВОЛЫНИ (XIX – начало XX века)

Розглянуто найбільш характерні особливості системи общинного самоврядування в середовищі німецьких колоністів Волині у XIX – на початку XX ст., які забезпечили їм досить замкнутий та відособлений внутрішньо-общинний спосіб життя.

Ключові слова: Волинь, німці, колоністи, конфлікти, мова.

Рассмотрены наиболее характерные особенности системы общинного самоуправления в среде немецких колонистов Волыни в XIX – начале XX вв., которые обеспечили им достаточно замкнутый и обособленный внутриобщинный образ жизни.

Ключевые слова: Волынь, немцы, колонисты, конфликты, язык.

The most characteristic features of communal self-government system of Volhynia German colonists in XIX – beginning of XX centuries are examined.

Key words: self-management, Volhyn, Germans, colonists, conflicts, the ground.

Im Aufsatz wird auf die charakteristischen Besonderheiten der Gemeindeverwaltung bei den deutschen Kolonisten Wolhyniens im 19. und zu Beginn des 20. Jh. hingewiesen, die dieser Bevölkerungsgruppe ein Leben in relativer Zurückgezogenheit und Abschottung innerhalb ihrer Gemeinde ermöglichten.

Schlagwörter: Wolhynien, Deutsche, Kolonisten, Konflikte, Sprache.

Всякое национальное меньшинство, попав в инородную этническую среду, пытается всеми способами сохранить свою национальную самобытность и не поддаться ассимиляционным влияниям со стороны преобладающих в численном отношении этнических общностей, проживающих по соседству. Именно в такой ситуации оказались немецкие колонисты, массово иммигрировавшие на протяжении XIX века на Волинь. Поселившись в подавляющем своем большинстве в сельской местности, имея свое собственное историческое про-

шлое, совсем иное религиозное и обыденное мировоззрение, другую мораль, быт, менталитет, специфику общинного и семейного уклада жизни, они длительное время оставались почти полностью изолированными от каких-либо влияний окружающего их украинского населения и органов местной власти, сумев сохранить неприкосновенной собственную самобытность. Этот феномен волыньских немцев отмечали еще современники, указывая в начале XX века, что *«немцы, родившиеся на Волыни, остаются такими же немцами, как их отцы и деды, вышедшие из Германии»* [1]. А в отчете волынского губернатора за 1911 год подчеркивалось, что немецкие колонисты *«даже через 50 лет остаются обособленными от массы коренного населения Волыни»* [2]. И это не было преувеличением. Обособленность и замкнутость существования немецких колоний Волыни в XIX – в начале XX века были одной из характеристик, отличающих волыньских немцев от других этнорегиональных групп российских немцев.

Немаловажную роль в сохранении этой отличительной черты волыньских колонистов сыграла их система общинного самоуправления, главным предназначением которой было сохранение и укрепление полной самостоятельности каждой колонистской общины в решении всех вопросов внутренней жизни и ее ограждение от всевозможных внешних влияний. Наряду со многими общими чертами, характерными для других регионов России, система общинного самоуправления волыньских немцев имела ряд отличительных черт и особенностей.

Традиционно возглавлял ее в каждой колонии староста – «шульц». Должность эта была выборной, и избирался шульц общественным сходом из числа наиболее авторитетных, опытных и зажиточных хозяев сроком на один год. От него обязательно требовалось хотя бы элементарное знание русского языка, чтобы в случае необходимости изъясниться с местным начальством или владельцем земли, составить или подписать необходимые документы, так как подавляющее большинство волыньских колонистов длительное время русским языком не владели совсем. Следует отметить, что некоторые переселенцы из Привислянских губерний успешно пользовались польским языком, который неплохо освоили, проживая раньше в Польше. На помощь шульцу избирали также двух помощников, а также десятников и сотских.

В большинстве регионов Волыни шульцы на своих должностях не утверждались никакими местными органами власти. Исключением в этом плане был Луцкий уезд, где большинство немецких коло-

ний были расположены относительно недалеко от уездного центра и преимущественно в хорошо обжитых местностях. Шульцев здесь приводили к присяге, таким образом возлагая на них ответственность и перед властями [3].

Шульцы фактически имели всю полноту власти в колониях. Они представляли ее в отношениях с властями. Так как немцы на Волыни преимущественно арендовали помещичьи земли, то они были посредниками между колонистами-арендаторами и собственниками земли. Нередко именно шульцы скрепляли своими подписями и печатями арендные договоры, подтверждали решения общественных сходов, выдавали различные справки и свидетельства, составляли другие деловые бумаги. Они вели учет колонистов, следили за внутренним порядком и жизнью в колониях, за выполнением решений общественных сходов, исполнением повинностей, за своевременной оплатой податей и арендной платы и в целом за выполнением условий контрактных договоров. Причем иногда собственноручно наказывали за нарушения, и довольно жестоко. Так, в 1897 году в колонии Забужские Голендры от побоев шульца умерла колонистка Кунц, не сумевшая вовремя заплатить долг за аренду общинной земли [4].

Именно шульцы в большинстве случаев были судьями в конфликтах и спорах между колонистами, так как последние в таких ситуациях избегали обращений к местным органам власти. Внутренние конфликты в колониях решались на основе собственного традиционного права. И лишь когда потерпевший был недоволен решением шульца, он мог обратиться с обжалованием к землевладельцу или же в местный суд (право на это обуславливалось в арендных договорах) [5]. Правда, такие обращения были редким явлением.

Текущие конфликтные ситуации шульцы рассматривали вместе со своими помощниками. Чаще всего решения шульцев не обсуждались, нигде не оспаривались и тщательно выполнялись.

Для решения более важных дел, касавшихся жизни всей колонистской общины, созывался общественный сход. Участие в нем принимали главы хозяйств. Летом на улице, а зимой или в непогоду в каком-нибудь просторном помещении, чаще всего в школе или в кирхе, колонисты собирались на свой сход и принимали решения о необходимости проведения определенных общественных работ: строительстве кирхи или молитвенного дома, школы, моста, мельниц, ограждений, прокладке дороги или мелиоративного канала, сооружении дамбы, расчистки обмелевшего русла реки или заросшего озера, упорядочения общественных мест и др. Сход также рассма-

тривал вопросы заработной платы учителя, кистера, сезонные условия найма пастуха, опеки над сиротами, а также недостойные поступки или же поведение отдельных членов общины, принимая при этом решения об их наказании, нередко очень строгим. Так, в 1867 году общественный сход колонии Софиевка Высоцкой волости Ровенского уезда, рассматривая дело о краже имущества и денег колонистом Самуилом Цильке, вынес следующее решение: *«На что мы, будучи в оном собрании и выслушав требование нашего старшины, все единогласно приговорили, что ни только никто с нас не желает взять его на поруку, но даже вовсе не желаем иметь его в своем обществе. В чем собственноручно и подписываем»* [6]. Решения общественных сходов исполнялись безоговорочно, даже если это касалось телесных наказаний.

Следует подчеркнуть, что колонистские общины сообща и очень ревностно отстаивали и защищали арендованные ими земли от вторжения местных крестьян, которые раньше на правах сервитутов пользовались помещичьими лугами, лесами и водоемами. Немцы не хотели даже, чтобы их дорогами пользовались местные жители, и последние часто сознательно объезжали территории, принадлежащие колонистам из боязни быть избитыми [7]. Это, конечно, иногда приводило к стычкам между колонистами и местными крестьянами. Но даже в таких конфликтных ситуациях поселенцы нечасто искали защиты в местных органах власти, а обращались за содействием к чиновникам немецких дипломатических представительств.

Довольно организованно немецкие общины противостояли и местным властям, пытавшимся выполнить судебные решения, затрагивающие их имущественные интересы. Особенно обострялось такое противостояние при попытках выселения колонистов из арендованных ими участков. Особый резонанс в этом плане вызвал конфликт в имении помещика Семионтовского в селе Копачевка Луцкого уезда. 25 ноября 1880 года туда прибыл судебный исполнитель для исполнения решения съезда мировых судей о выселении с помещичьей земли колониста Зауэра. Встретив сопротивление последнего, исполнитель обратился за помощью к полицейскому уряднику. На поддержку Зауэра собралось около 50 колонистов. Они сорвали с пристава знак и забрали судебные бумаги. Дело получило широкую огласку, и в Копачевку приехал специальный агент немецкого консула Реслер для успокоения колонистов. Он не одобрил их поведения и уговаривал выполнить решение властей. Но это не помогло, и волнения начались в ряде соседних колоний. А Зауэр был выселен

лишь 29 апреля 1881 года и то при помощи военных, которые окружили дом, вывели из него жильцов, а потом разобрали его. Собравшаяся толпа колонистов была готова к стычке, подставляя под штыки женщин и детей. Правда, кровопролития удалось избежать [8]. Подобные ситуации, когда общины оказывали сопротивление судебным исполнителям при попытке выселения их соплеменников, были и в ряде других колоний Волыни.

Хотелось бы обратить внимание на еще одну весьма интересную особенность системы общественного самоуправления волыньских колонистов. При подворном, то есть индивидуальном землевладении и ведении хозяйства, управление колониями оставалось общинным. Об этой характеристике говорилось и в одном из губернаторских отчетов: *«Хотя землевладение у колонистов подворное, но управление общинное. Все дела свои они обсуждают в школах, которые служат в большинстве случаев и молитвенными домами. Общественному обсуждению и решению подлежат следующие вопросы: устройство школы, назначение жалования учителю, выборы шульца (старосты), раскладка на общественные надобности, учреждение опеки над малолетними и т. п.»* [9].

Следует подчеркнуть, что местных землевладельцев полностью устраивала такая система общинного самоуправления в немецких колониях. Более того, они сами нередко настаивали на необходимости введения в текст арендных договоров статей об обязательной круговой поруче для своевременного исполнения арендаторами всех условий договора [10]. Поэтому принимая в свои общества новых поселенцев, колонисты зачастую составляли специальное свидетельство, которым ручались за новичка. Так, в декабре 1850 года жители колонии Анета Новоград-Волынского уезда, соглашаясь на причислении к их обществу братьев Иогана и Даниила Воцке, подчеркивали: *«...мы, зная добропорядочное поведение их, изъявляем желание на причисление их Воцке с семействами в наше общество и в аккуратном платеже их податей ручаем нашим обществом – во уверение чего подписом с приложением общественной печати нашей удостоверяем»* [11]. Аналогичные обязательства круговой поручки брали на себя колонистские общества, сдавая часть общей земли в аренду новым хозяевам, в случае смерти кого-нибудь из односельчан и в других жизненных ситуациях.

Изложенные выше факты убедительно показывают, что немецкие колонистские общины на Волыни в XIX – начале XX веков являли собой довольно замкнутые административно-территориальные еди-

ницы. Не случайно, очевидно, в 1887 году в отчете попечителя Киевского учебного округа дана такая характеристика волынским немцам: *«Немцы на Волыни представляют собой изолированную массу от окружающего украинского населения, которая, сплотившись кучками в колониях, образует из себя одно неразрывное целое по вере, языку, общественному строю жизни, традициям, симпатиям и антипатиям и что все вместе взятое, несомненно, выделяет этих пришельцев в особую национальность с сильным духом и могучим характером»* [12]. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что такая обособленность жизни немецких общин на Волыни подкреплялась еще и почти поголовным незнанием ни украинского, ни русского языков. На это также указывалось в процитированном выше отчете: *«Немецкие волынские колонисты изолированы от прочего населения, и они уже сами настолько чувствуют свою обособленность и независимость своего положения среди православного крестьянского населения, что знакомство с русским языком они признают только для мужского пола, а изучение его в конфирмационных школах признают полезным только для тех детей, которым не миновать военной службы»* [13]. Причем ситуация в этом плане мало чем изменилась даже после переподчинения колонистских школ Министерству народного образования и попыток последнего русифицировать их.

Своеобразие системы общинного самоуправления и общинной жизни немецких колоний на Волыни в целом были обусловлены рядом причин и факторов. В первую очередь нужно указать на то, что поселялись немцы преимущественно на частных землях и контракт (нередко даже устный) с владельцем земли фактически был единственной правовой основой для обоснования колонистского поселения. Причем как колонисты, так и землевладельцы, заключая договора, акцентировали внимание лишь на собственных выгодах, привилегиях и преимуществах, абсолютно не принимая во внимание интересы государства. Конечно же, в данной ситуации активную позицию должны были занять законодательные органы власти, отстаивая хотя бы некоторые государственные интересы. Но в реальности государство оказалось длительное время безучастным в этом процессе и лишь со временем начало делать попытки законодательного регулирования процесса колонизации.

Расселялись немцы на Волыни отдельными небольшими поселениями и длительное время не подчинялись существующей системе территориально-административного управления и надзору со стороны местных органов власти и полиции. Территориально немецкие

колонии часто были разбросаны на значительном расстоянии одна от другой и в таких глухих и труднодоступных местах, что об их местонахождении знал разве что только владелец земли и местные крестьяне. Нередко об их существовании не знало не только губернское, но и уездное начальство. А природно-географические условия Волынского Полесья лишь способствовали этому. В 1879 году, к примеру, Ровенский уездный исправник обнаружил в своем уезде несколько колонистских школ, которые существовали уже более 10 лет безо всякого надзора со стороны образовательного ведомства и органов местной власти [14]. Аналогичной была ситуация и с культовыми сооружениями в колониях. Во многих местностях колонисты их строили без разрешения властей. И когда в 1889 году министр внутренних дел поставил жесткое условие брать разрешения для постройки не только кирх но и других сооружений, в которых проводились богослужения, под какими бы названиями они не существовали, то на Волыни ситуация оказалось наиболее неприглядной. Незаконно сооруженными оказались культовые сооружения немцев-колонистов в 338 местностях [15]. Не удивительно поэтому, что в документах губернских органов власти неоднократно указывалось на то, что надзор за колонистскими общинами вести было очень трудно, а во многих местностях его почти не существовало [16].

Еще один фактор, способствующий обособленности волыньских немцев, касался наличия ряда привилегий в социально-правовом статусе волыньских немцев, и, в частности, в вопросе о подданстве. Если переселенцы из Пруссии, Австрии и других немецких земель не принимали российского подданства, то у них возникали проблемы в вопросах землепользования (до принятия законов от 19 февраля 1861 г. и 23 октября 1867 г.). В более выгодном положении были немцы, выходцы из Привислянских губерний Царства Польского. 26 июня 1868 г. был издан специальный указ, которым определялся порядок переселения жителей из Царства Польского в империю. По нему поселенцы на новых местах должны были вступить во все права и подчиняться всем обязанностям коренных жителей избранного ими места, сохраняя при этом все личные права и привилегии, которыми они пользовались на предыдущем месте проживания [17]. Таким образом, волыньские немцы, большинство из которых были именно выходцами из Царства Польского, по определению волыньских губернаторов, оказались в привилегированном положении. Приняв российское подданство на предыдущем месте проживания, они поселялись на Волыни по паспортам Привислянских губерний, сохраняя тамош-

ную прописку, что создавало для этих колонистов довольно выгодное положение («образуя как бы государство в государстве») [18]. Такого, кстати, не было ни в одном другом регионе империи, где поселялись немецкие колонисты. Таким образом, большинство волинских колонистов ограничений в вопросах землепользования, связанных с проблемой подданства, почти не имели.

Следует указать и на то, что длительное время немецкий иммиграционный поток на Волинь был почти бесконтрольным со стороны властей, чем и пользовались поселенцы, устраивая внутреннюю жизнь в колониях на основании своих традиций и обычаев. И лишь в 80-х годах под давлением местных органов был издан ряд законодательных актов, направленных не только на прекращение немецкой иммиграции в регион, но и на установление жесткого контроля над немецкими колониями, а также на интеграцию колонистов в существующую систему территориально-административного управления и социально-политической жизни. Особенно жесткие требования в этом плане имели изданные 15 июня 1888 г. правила «Об устройстве быта иностранных поселенцев в губерниях Киевской, Подольской и Волынской». Фактически они были направлены на ликвидацию самоуправления в немецких поселениях. Но распоряжения властей зачастую просто игнорировались колонистами, а местные чиновники смотрели на это сквозь пальцы. В 1891 г. назначенный волинским губернатором чиновник по особым поручениям Покровский в ряде колоний Луцкого, Ровенского и Владимир-Волинского уездов делал фактическую проверку исполнения указанного выше закона. Он отмечал, что закон не имеет полного применения, а распоряжения о постоянном и правильном учете поселенцев и надзор за ними почти совсем не выполняются. Новые колонисты не приписываются в волостных правлениях, а помещики не извещают об их прибытии. Не всегда и не всеми колонистами исполняются и повинности [19]. Таким образом, местные органы государственной власти во многом не только не противостояли, но своей пассивностью и бюрократизмом содействовали сохранению обособленности и замкнутости жизни немецких колоний.

Наконец, нельзя не отметить, что вся система хозяйствования в немецких колониях была построена так, чтобы обеспечить себя самостоятельно всеми необходимыми средствами производства, орудиями труда, предметами быта и продуктами питания как можно полнее и тем самым свести к минимуму зависимость и контакты с местным населением. На это обращалось внимание во многих документах местных органов власти конца XIX – начала XX века. К примеру,

в губернском отчете за 1887 год читаем: «сношения ведут главным образом с евреями, отношений с крестьянами почти не имеют ...» [20]. И это не было преувеличением. Высокая эффективность немецких фермерских хозяйств на Волыни была реальностью. Такая форма экономического функционирования опять же таки отгораживала немецких поселенцев от влияний окружающей их инонациональной среды. Как уже указывалось выше, волынские немцы – выходцы из Царства Польского – довольно часто и неплохо владели польским языком. Это наводит на мысль о том, что экономическое положение их поселений на территории Польши не было таким прочным и независимым, как на Волыни, поэтому и вынуждало их жителей поддерживать более активные контакты с тамошним польским населением и, следовательно, более энергично заниматься изучением польского языка. Безусловно, что прочное экономическое положение немецких колоний на Волыни делало их жителей независимыми от местного населения и не вызывало потребности в активных контактах с ним, а значит, и в знании его языка. Таким образом, эффективная форма хуторского (индивидуального фермерского) хозяйствования в немецких колониях Волыни стала еще одним весомым фактором сохранения своеобразия и специфики территориально-этнографической группы волынских немцев.

И в заключение хотелось бы подчеркнуть, что система общинного самоуправления в немецких колониях Волыни была довольно эффективной и достаточно четко выполняла возложенные на нее обязанности, обеспечив волынским колонистам довольно замкнутый и обособленный образ жизни. Попытки же государственных органов разрушить при помощи ряда законодательных актов традиционные институты общинного самоуправления волынских немцев и интегрировать их в структуры российской социально-экономической жизни натолкнулись на упорное сопротивление со стороны колонистов, вызвали стремление саботировать и игнорировать нововведения, провоцировали желание приспособиться, создавая лишь видимость их выполнения, что в итоге не дало ожидаемых властями результатов.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Житомирской области (далее – ГАЖО). – Ф. 58, оп. 1, д. 1060, л. 219.
2. Государственный архив Ровенской области (далее – ГАРО). – Ф. 384, оп. 5, д. 197, л. 31.

3. ГАРО. – Ф. 384, оп. 5, д. 756, л. 20.
4. ГАРО. – Ф. 278, оп. 1, д. 3, л. 22.
5. *Липранди А. П.* Германия в России / А. П. Липранди. – Харьков, 1911. – С. 64.
6. *Плохотнюк Т. Н.* Положение евангелическо-лютеранской церкви в России (конец XIX – начало XX вв.) / Т. Н. Плохотнюк // *Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения.* – М., 1996. – С. 315–316.
7. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (далее – ЦГИАУ). – Ф. 442, оп. 642, д. 497, л. 7.
8. Там же. – Оп. 617, д. 114, л. 2.
9. Там же. – Оп. 627, д. 4, л. 120.
10. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 614, д. 238, л. 110.
11. Там же. – Оп. 533, д. 222, л. 5–6, 41–42.
12. Там же. – Оп. 618, д. 58, л. 3.
13. Там же. – Оп. 694, д. 72, л. 69.
14. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 614, д. 238, л. 11.
15. Там же. – Л. 110.
16. Там же. – Л. 105.
17. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 617, д. 114, л. 2.
18. Там же. – Оп. 45, д. 492 а, л. 72.
19. Там же. – Оп. 618, д. 58, л. 38.
20. ЦГИАУ. – Ф. 442, оп. 617, д. 114, л. 1.

Надійшла до редколегії 04.11.10

УДК 94 (477.63) «1914/1917»

О. В. Безносова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АНТИГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ В ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1914–1917 гг.

На підставі архівних документів розглянуто перебіг антигерманської кампанії 1914–1917 рр. у Катеринославській губернії. З'ясовано її регіональні особливості.

Ключові слова: антигерманська кампанія, Катеринославська губернія, німецьке та менонітське населення Російської імперії.